

АННА
СМЕРЧЕК
СТОЯНКА СЕМЬ МИНУТ

Анна Смерчек
Стоянка семь минут

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смерчек А.

Стоянка семь минут / А. Смерчек — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Выскользнувший из руки ключ, короткая остановка поезда, случайный разговор в кафе - мы не знаем, в какой момент жизнь вдруг откроется с новой стороны. Не испугаться перемен, побороть однообразие будней, вспомнить о своих мечтах бывает нелегко. Но иногда, кажется, сама жизнь подсказывает решение, устраивая небольшие, но самые настоящие чудеса.

Содержание

После операции	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

После операции

Первые дни тянулись бесконечно долго, но потом время как-то вильнуло хвостом, скакнуло стрелками по циферблату, и оказалось, что Любу уже выписывают. И вдруг палата, лестница, коридор показались такими привычными, как будто она провела здесь не пять дней, а все двадцать семь лет своей жизни. Сестра выдала куртку и ботинки – совершенно забытые, словно и не её вещи. Лечащий врач улыбнулась ободряюще, но уже как-то отстранённо, выписав Любу не только из отделения микрохирургии глаза, но и из того мирка, в котором сама она оставалась энергичной доброй повелительницей близоруких и дальнозорких пациентов. А Любе предстояло стартовать в новую жизнь, в новый огромный мир.

Собирая вещи, Люба вспоминала, как испугалась, когда ей предложили лечь в больницу на обследование, а потом и на операцию. Она вообще боялась медучреждений, в местную поликлинику обращалась, только когда было совсем уже худо, и нужен был больничный, никогда не ездила в санатории. А тут – в больницу! Но другой страх перевесил. Страх безграничной и беспросветной, безнадёжной и бесцветной тьмы, в которой она, вероятно, когда-то в будущем, могла оказаться – страх возможной слепоты. Этот страх подкрался к ней незаметно, ещё в детстве, и с тех пор не отпускал, настигая иногда ночными кошмарами или случайными телевизионными передачами о людях, лишившихся зрения. Началось всё с бабушки, которая говорила: «Включи свет, а то совсем ослепнешь» или «Выпрямись! Что ты носом пишешь, совсем ослепнуть хочешь?» или «Сколько можно сидеть перед телевизором? Будешь потом слепая всю жизнь ходить!» Бабушка и сама носила очки с толстыми стеклами, и вовсе, конечно, не хотела напугать внучку, а только предостеречь. Но когда годам к двенадцати Люба вдруг заметила, что дом напротив, черты лица учительницы, стоящей у доски, буквы рекламных вывесок на улице теряют четкость, расплываются в легкой, но непреодолимой глазом дымке, она испугалась, решив, что слепнет.

«Говорила я, не пиши носом! Не читай в темноте! Не сиди перед телевизором! Вот доигралась теперь!» – подлила бабушка масла в огонь. Мама отстояла очередь в регистратуру детской поликлиники и получила номерок к окулисту. Ждать приема надо было две недели, и этого времени Любе как раз хватило, чтобы погрузиться в мрачное, хотя и не лишённое трагической романтики отчаяние. Она уже видела себя одинокой, поседевшей женщиной с бесцветным лицом, передвигающейся на ощупь по полупустой мрачной квартире и прислушивающейся ревниво к молодым веселым голосам, долетающим с улицы. Люба начала тренироваться: ходила по дому, закрыв глаза, и училась угадывать сюжет фильма по звукам, не глядя на экран. Перед зеркалом она репетировала, как спросит у врача: «Сколько мне ещё осталось?» так, чтобы тускнеющий взгляд оставался преисполненным достоинства и долготерпения.

Но окулист, немолодая и немногословная женщина, привычно проделав с Любой ряд нестрашных и небольших манипуляций, равнодушным голосом рассказала маме, где и как заказать ребёнку очки. Открыв медицинскую карту, она записала размашистым трудночитаемым медицинским почерком, что трагическая романтика отменяется, а вместо неё назначаются какие-то капли и упражнения.

Жизнь потекла почти по-прежнему. Люба быстро привыкла к очкам, в минуты смущения научилась поправлять их легким летящим взмахом руки и уже не представляла своего отражения в зеркале без этого постоянного дополнения. Очки дарили ощущение защищённости – неоправданное, но приятное. В пятнадцать лет Люба поменяла очки на более сильные, потеряв ещё две единицы, к двадцати трем она снова почувствовала недостаточность диоптрий, а в следующий визит к окулисту ей предложили лечь на обследование.

Люба приехала в больницу, ожидая почему-то непременно страшных испытаний, жалея себя и свою молодую, наверняка почти уже загубленную ни за что жизнь. Она предвидела, что

обследование выявит в ней какие-нибудь чудовищные необратимые патологии, предчувствовала, что рука хирурга, занесенная над её несчастным, доверчиво распахнутым серым глазом, непременно дрогнет, лишив её не только зрения, но и привлекательности.

На отделении, несмотря на то, что на улице стоял конец безрадостного серого и сырого марта, царило почему-то праздничное настроение. Любу встретили там, словно давно ждали, окружили заботой и вниманием. Лечащая врач, молодая, энергичная дама с удивительно коротко стриженными волосами, лучилась ожиданием предстоящей Любе операции, словно готовилась вручить ей ключи от счастливого будущего. Медсёстры разделяли радостное ожидание, ласково улыбались и кивали, заглядывая в назначения и готовя её к процедурам.

Уже на второй день и сама Люба прониклась царящим на отделении радостным предвкушением. Освобожденная от рабочих и бытовых забот, она валялась на кровати, плавая в безмятежных мечтах о новой зоркой жизни. Там её ждало всё до сих пор упущенное и неохваченное по вине недостаточности зрения. Разрушив барьер между нею и миром, устранив эту преграду из модного пластика, которую она вот уже столько лет неизменно таскала на лице, Люба готовилась измениться кардинально. Что помешает ей отныне быть раскованной и уверенной в себе, сделать новую стрижку – не такую радикальную, конечно, как у лечащей дамы-врача, но тем не менее – и прикупить что-нибудь новое из одежды. Ближе к вечеру, после ужина, Люба погружалась в мечты о личной жизни. Она представляла себе, как прямо в первый же день, когда она, похорошевшая и уже без очков, выйдет на работу, то прямо в дверях столкнётся с каким-нибудь ранее не замеченным ею по причине плохого зрения, симпатичным молодым человеком, кивнёт и улыбнётся ему. И закрутится роман с неожиданными букетами на рабочем столе на зависть коллегам и с поцелуями без этого дурацкого и неловкого предварительного избавления от пластиковой конструкции на лице. По утрам после завтрака Люба, сняв очки, подолгу смотрела из больничного окна на мутные дома, пролетающие пятна машин и ползущие невнятные очертания человеческих бесполой фигур. Скоро эта пелена спадёт, и мир явит ей себя во всей полноте и дивных подробностях, распахнётся перед ней во всём многообразии возможностей.

Операция прошла успешно. Коротко стриженная врач удовлетворенно кивнула: «Ну вот, Люба, очки вам больше не понадобятся. Привыкайте!» Получив выписку и собрав вещи, Люба долго не могла решиться покинуть гостеприимное отделение и, спустившись на первый этаж, всё поправляла перед зеркалом шапку и обернутый вокруг шеи платок, сдерживая ненужное больше взлетающее к виску движение руки.

Наконец, она вышла за дверь. Больница стояла посреди сквера, и Любу сразу обступили темные стволы деревьев, тянущие вверх огромное количество веток и веточек, невероятно четко прорисованных на фоне промозглого светлого неба. Люба постояла, любясь открывшейся перед ней картиной, привыкая к холодному весеннему воздуху. Ей всё ещё казалось, что в палате она провела несколько лет, а не чуть меньше недели. Через проходную Люба вышла на улицу, свернула и не торопясь пошла в сторону метро. Она видела всё. Номерные знаки машин, вывески на этой и даже на той стороне улицы, обстановку квартир за неплотно задернутыми шторами, кошку в подворотне, голубей на карнизе. Она различала выражения лиц других пешеходов, детали их одежды, их сумки и обувь. Мир с наведенной на него резкостью ошеломлял и утомлял. Добравшись до дома, Люба почувствовала, что ужасно устала. Но это было, конечно, просто с непривычки, просто она не восстановилась ещё после операции.

И вот у Любы началась новая жизнь.

Утром в понедельник, собираясь после недельного больничного на работу, Люба вдруг спохватилась, что ей не хватает старых и таких привычных очков, чтобы спрятаться за ними, загородиться. Разглядывая своё отражение в зеркале, она вдруг подумала, что очки даже украшали её, дополняли образ, выделяли из толпы. Теперь из зазеркалья на Любу смотрела самая обычная девушка без претензии на интеллект или серьёзность. Очки лежали здесь же, у зер-

кала. Люба надела их зачем-то снова, просто чтобы сравнить, как ей лучше: с ними или всё-таки без них. Сравнить не получилось: в стеклах очков мир поплыл кривыми расплывающимися пятнами. Люба вспомнила напутствие врача и повторила про себя: «Очки мне больше не понадобятся. Надо привыкать».

Привыкать пришлось и к коллегам. Далеко не все из них и раньше были ей симпатичны, но теперь их облик бесконечно дополнялся неприятными деталями: каплями соуса на манжетах, крупинками перхоти на лацканах пиджака, волосами, торчащими из ушей. У начальницы оказались смешные темные усики на верхней губе. У бухгалтерши были плохо покрашены волосы. У системного администратора, с которым Люба раньше иногда подолгу болтала, обнаружила привычка строить дурацкие гримасы, которые раньше она принимала за улыбки.

Собственная Любина квартира, как выяснилось, уже требовала ремонта, пока, правда, пришлось ограничиться генеральной уборкой. Откуда только взялась вся эта пыль, и тонкая трещинка на раковине, и разводы на стекле? Когда успел истереться линолеум, когда выгорели занавески и запацкались обои?

Теперь каждый день мир распахивался перед Любой, являя ей всё новые мерзости. Мартовские слякотные улицы, унылые, темные, отсыревшие стены домов, грязные автомобили, безвкусно одетые люди, пошлые безграмотные рекламы. И как только она жила раньше среди всего этого, не замечая, не ведая, в защитном коконе своей невинной близорукости, окутывающей её, укрывающей от всего этого непотребства?

Люба вспоминала энергичную коротко остриженную докторшу и теперь, с высоты обретенного горького знания, подозревала её в жестокости и необъяснимом коварстве. Любе думалось, что наделенная хорошим зрением докторша, притворяясь, что помогает, излечивает, на самом деле просто мстила безмятежным близоруким пациентам, играла роль змия, дававшего отведать от запретного плода. Люба, и правда, с каждым днём всё больше чувствовала себя изгнанной из рая. После операции мир должен был стать лучше, наполниться новыми красками, формами, оттенками. Но он явил вдруг другую, мрачную и неприглядную свою сторону, потерял таинственность и привлекательность.

К концу рабочей недели Люба была опустошена и готова впасть в отчаяние. Ещё в среду она составила было хитроумный план, как снова испортить зрение, следуя заветам покойной уже бабушки: читать в темноте, долго сидеть перед телевизором, на счастье, теперь к списку можно было добавить ещё экранчик смартфона. По Любиным подсчетам через пару лет, она снова начнёт погружаться в таинственную размытость, стерилизующую все несовершенство окружающего мира. Но уже к четвергу она поняла: забыть пережитое она не сможет, и испортив зрение, погрузится не в безмятежное неведение, а попадёт в пучину вечных страхов и подозрений.

Дотянув до вечера пятницы, Люба поняла, что ей просто необходимо выпить. Выбор общепитовской точки стал теперь вдвойне мучительным. В каждом кафе было что-то не то. То официантки неприятно переглядывались и посмеивались, словно плевали в заказанные блюда и потом потешались над клиентами. То парень за барной стойкой протирает вверенную ему поверхность тряпкой такой грязной, словно до этого она весь день пролежала перед входной дверью. То кресла у столиков были как-то неприятно примяты, как будто сохраняли ещё форму, а значит, и тепло, и запах обедавшего здесь только что посетителя. Люба раньше никогда не была брезглива, но теперь вокруг обнаружилось столько неприятных мелочей, что она невольно морщила нос и по привычке всё ещё вскидывала руку к виску, в тщетной попытке вернуться в безмятежное прошлое.

Наконец, Люба остановила свой выбор на большом сетевом ресторане. В конце рабочей недели здесь было много народу, это позволяло не заикливаться ни на ком конкретно. Она села за столик у окна, спиной к залу и лицом к растворяющемуся в мартовских холодных сумерках городу. Подскочил официант, мальчишка лет семнадцати, свежий и симпатичный

в этой своей почти детской юности. Здесь всё было совсем не плохо, и Люба стала думать о том, что она ещё пока, вероятно, испытывает шок после перенесённой операции. Вероятно, со временем острота первого впечатления притупится, ей удастся притерпеться, свыкнуться со сделавшейся внезапно такой будничной, мелочной и неприглядной действительностью.

В ресторане Люба сидела долго, жалея себя и бесконечно перебирая свои новые ощущения. После выпитого бокала вина ей стало ещё грустнее, хотя она рассчитывала, что будет как раз наоборот. Как назло, вспомнился придуманный в больнице симпатичный молодой человек с букетами и поцелуями. Тогда Люба заказала ещё один десерт и еще бокал вина. Город мрачно смотрел на неё через окно, а потом начал сыпать с неба мелким, тающим на лету снегом. Капли стекали по стеклу и по Любиным щекам, потому что она, незаметно для себя, беззвучно и беспомощно плакала.

– Может, вам что-нибудь предложить? – спросил мальчишечка-официант. Люба подняла глаза, и увидела, что он смотрит участливо, заметив её слёзы. Она поспешно схватила салфетку, растерянно пожала плечами.

– Хотите что-нибудь ещё? – снова спросил он.

– Да. Я хочу другой вид из окна, – неожиданно даже для себя, ляпнула Люба.

– Хорошо, – весело кивнул официант. – Только придется подождать. Лет пятьдесят, может быть. Ученые уже работают над этим. Это будет что-то вроде дополненной реальности. Выбираете на своём смартфоне подходящую картинку, и умный дом вам её показывает на специальном оконном стекле. Из кухни, например, будет у вас вид на улочки Парижа, из гостиной – на джунгли Амазонки, в спальне сделаете себе в окне зеленые английские холмы со стадами овец. Понимаете, да? Чтобы считать их перед сном.

Он засмеялся, и Люба тоже улыбнулась.

– Так вы, значит, уже даже распланировали, какие у вас будут картинки за окном? – уточнила она, просто чтобы поддержать лёгкую беседу и показать ему, что она не напилась и не собирается устраивать истерик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.